№ 43. Изданія годъ 1-й. Среда, 20 сентября 1917 г. Цѣна 10 коп.

Органъ обще-соціалистическій безпартійный

ВОЛЯ и ДУМЫ ЖЕЛѢЗНОДОРОЖНИКА

Изданіе Центральнаго Комитета
М.-Курской, Нижегородской, Муромской и Окружной ж. д.

Адресъ редакціи и Конторы:
Москва, Старая Басманная, домъ 11, Управленія Московско-Курской, Нижегородской, Муромской и Окружной жел. дор.

Подписная плата
съ пересылкой и доставкой
съ 1 мая до конца г. 6 р. —
на 4 мѣсяца . . . 3 р. 25
» 3 » . . . . 2 р. 75
» 2 » . . . . 1 р. 90
» 1 » . . . . 1 р. —
Телефонъ № 3-97-21
Редакція для личныхъ объясненій отъ 12 до 2-хъ час. дня.

Объявленія.
На первой страницѣ за строку петита . . . . . 1 р. 50 к.
Позади тек. строку петита 1 р.
Лица ищущія труда 60 к. за разъ въ три строки свыше по общей разцѣнкѣ.
Контора газеты открыта отъ 10 час. дня до 4 час. веч.

Товарищи желѣзнодорожники, въ чемъ наша воля?—Развозить по рельсамъ съ быстротою вѣтра и метать по проволокѣ съ быстротою молніи—ВОЛЮ НАРОДА. Въ чемъ наши думы? Наши думы, какъ и думы народа—въ единеніи, свободѣ и правдѣ.

Игра продолжается.

Какъ только корниловскій мятежъ былъ подавленъ единодушнымъ порывомъ революціонной демократіи, изъ груди ея вырвался одинъ крикъ: Долой кадетовъ-корниловцевъ. Въ этомъ крикѣ сошлись всѣ фракціи.

Не странно ли, что одинъ человѣкъ, одинъ изъ вожаковъ русской демократіи, вознесенный ею на пьедесталъ власти, ближе всего стоявшій къ борьбѣ съ преступнымъ мятежомъ и судьбою призванный защищать нашу революцію, остался холоденъ къ этому страстному крику?.. Не странно ли?

Не странно ли, что на другой день послѣ ликвидированія преступной авантюры, потрясшей все государство, открывшей фронтъ непріятелю и поставившей Россію на край гибели, глава Временнаго Правительства, къ которому были раньше всѣхъ обращены бунтовщицкія предложенія Львова и предательски-хитрыя предложенія Милюкова, ничто же не сумняшеся вступаетъ въ переговоры съ этими самыми бунтовщиками, предателями и хитрецами и какъ ни въ чемъ не бывало вручаетъ имъ власть, на которую они только что покушались хитростью и силой? Не странно ли?

Нуженъ былъ гордый и отчетливый окрикъ Центральнаго Исполнительнаго Комитета, чтобы Керенскій прекратилъ эту страшную игру за спиной, нѣтъ, на спинѣ демократіи. Была организована директорія пяти до рѣшенія Демократическаго Совѣщанія въ Петроградѣ. Керенскій наружно подчинился.

Но еще не успѣло собраться Демократическое Совѣщаніе, какъ Керенскій 13 сентября «проситъ» кадета Кишкина пригласить въ Петроградъ группу «московскихъ общественныхъ дѣятелей», конечно, кадетовъ для переговоровъ объ ихъ участіи во Временномъ Россійской Республики Правительствѣ. Откуда такая поспѣшность? Смѣшно думать, что это случайность: здѣсь чувствуется система, чувствуется, что первый гражданинъ Россійской Республики хочетъ всячески подчеркнуть въ глазахъ «общества» свою «независимость» отъ революціонной демократіи. Онъ хорошо знаетъ самъ и знаютъ это не хуже его всѣ «общественные дѣятели», что безъ согласія революціонной демократіи теперь невозможно образовать правительство, зачѣмъ же А. Керенскій роняетъ престижъ той общественной силы, которая вынесла его на своихъ плечахъ къ власти и безъ которой онъ не продержится ни одного дня, ибо эти самые господа «общественные дѣятели», съ которыми онъ джентльменски ведетъ переговоры о дѣлежѣ власти, его заклюютъ и растопчутъ ногами, какъ только за нимъ не станетъ крѣпкихъ и мускулистыхъ спинъ демократіи? Странно и не только странно, даже неприлично.

Гораздо приличнѣе поступаютъ кадеты. Получивъ приглашеніе отъ премьера, они не торопясь выработали программу-ультиматумъ, въ которой тщательно подчеркиваютъ свою связь съ кадетской партіей. Когда Керенскій лицемѣрно замѣчаетъ имъ, что онъ говоритъ съ ними какъ съ частными лицами, они энергично отвѣчаютъ ему, что безъ согласія группы, пославшей ихъ, они не могутъ рѣшиться на участіе въ правительствѣ, и Керенскій находитъ это совершенно правильнымъ. А почему гражданинъ Керенскій распоряжается портфелями безъ согласія и безъ вѣдома группы, его пославшей?

О поведеніи кадетовъ во время корниловскаго мятежа врядъ ли возможны два мнѣнія. Даже А. В. Пѣшехоновъ, который самъ къ нимъ очень близокъ, долженъ былъ сознаться на Демократическомъ Совѣщеніи: «Да, въ корниловскіе дни к.д держали себя, можетъ быть, очень не хорошо, и я долженъ сказать, что я лично особенно скорбѣлъ объ этомъ, потому что это затрудняло коалицію. Если бы к.-д. увѣренно, рѣшительно, храбро и энергично встали въ эти дни вмѣстѣ съ демократіей, то было бы меньше основаній называть ихъ контръ-революціонерами и выбрасывать изъ коалиціи. Да, долженъ признать, к.-д. дрогнули въ эти дни, но нужно различать переходъ на сторону непріятеля и малодушное бѣгство передъ нимъ. Кадеты скорѣе повинны въ малодушіи, чѣмъ въ измѣнѣ».

Не будемъ спорить о томъ, чего было больше у кадетовъ: малодушія или измѣны. Бываютъ времена, когда малодушіе есть измѣна. Не будемъ также спорить о томъ, что было бы, если бы кадеты вели себя иначе. Какъ бы ни велъ себя кадетъ, онъ остается кадетомъ, умнымъ или неумнымъ, храбрымъ или малодушнымъ идеологомъ буржуазіи. И то, что соціалисту кажется групостью или молодушіемъ, есть въ глазахъ буржуазнаго либерала высшій умъ и мужество. Одно несомнѣнно: участіе «кадетовъ» во временномъ правительствѣ опасно для революціи, внушаетъ недовѣріе солдатамъ, отъ которыхъ страна ждетъ энтузіазма и величайшаго самопожертвованія, и рабочимъ, которые являются не только самой надежной опорой Революціи, но и важнѣйшимъ факторомъ промышленности, работающей на армію. Значитъ, для спасенья Россіи, надо теперь, пока вся рабочая Россія занята войною и революція въ опасности, крѣпко оберегать государственный аппаратъ отъ рукъ, могущихъ стать предательски малодушными. Къ чему же смѣшныя рѣчи Керенскаго объ исключеніи изъ коалиціи только тѣхъ, которые себя «скомпрометировали»? Склонность къ корниловщинѣ не грѣхопаденіе, а неотъемлемая сущность всякой буржуазной души. Надо ставить вопросъ честно: съ буржуазіей или безъ нея?

Предательскій и контръ-революціонный характеръ природы нашей буржуазіи четко выступаетъ изъ рамки ультимативной программы, которую «общественные дѣятели» имѣли наглость предложить Керенскому. Они выставили только шесть пунктовъ, редактированныхъ съ величайшей стыдливостью заматерѣлыхъ политикановъ.

«1) Рѣшительная борьба съ анархіей. Это значитъ подавленье лѣваго крыла демократіи, которое своей рѣшительностью и мужествомъ только что спасло страну отъ военной диктатуры и разоблачило корниловское двоедушіе либеральной буржуазіи.

«2) Обезпеченіе свободы выборовъ въ Учредительное Собраніе». Спрашивается: кто покушался на эту свободу? Даже большевики никогда не говорили о какомъ бы то ни было давленіи на избирателя. Это значитъ, что «общественные дѣятели» заранѣе выговариваютъ себѣ право фальсифицировать выборы въ пользу буржуазіи, елико возможно.

«3) Равенство правъ всѣхъ министровъ», т.-е. полное право саботировать работу соціалистовъ, если они, не въ примѣръ прошлому, выйдутъ изъ своей законодательной летаргіи и вздумаютъ что-нибудь сдѣлать для рабочихъ и крестьянъ.

«4) Органическая работа по возсозданію боеспособности арміи безъ всякаго уклоненія въ сторону демагогіи». Это явный намекъ на военнаго министра Верховскаго, который явно «уклоняется въ сторону демагогіи», ибо ищетъ другихъ средствъ возсозданія боеспособности нашей несчастной, окровавленной и поруганной арміи, помимо «органической» плети, нагайки и висѣлицы.

«5) Независимость временнаго правительства отъ всякихъ безотвѣтственныхъ партійныхъ и классовыхъ организацій». Это, конечно, буржуазная утопія объ упраздненіи Совѣтовъ. Но какъ же можетъ власть висѣть въ пространствѣ безъ соціально-политической опоры? Кто же будетъ разрѣшать неизбѣжные кризисы власти? Конечно, буржуазія прекрасно знаетъ, что каждая власть зависитъ отъ тѣхъ или иныхъ классовыхъ и партійныхъ организацій. Даже при существованіи парламента, правительство всегда въ зависимости отъ той или иной партійной или классовой организаціи, а не отъ всей націи. Чего же хочетъ наша буржуазія? Чтобы временное правительство освободило себя отъ вліянія тѣхъ партійныхъ и классовыхъ организацій, которыя его создали и безъ довѣрія которыхъ оно не можетъ и существовать. Преступная утопія.

Наконецъ, чтобъ подчеркнуть свою буржуазную сущность и полное пренебреженіе къ голосу революціонной демократіи, «общественные дѣятели» выставили новый пунктъ:

6) вхожденіе въ составъ кабинета членовъ партіи народной свободы».

И противъ этой «программы», которую одобрилъ Центральный Комитетъ партіи народной свободы, министръ предсѣдатель не нашелъ возраженій. Онъ нашелъ даже вполнѣ справедливымъ, чтобъ соціалисты и буржуа входили поровну въ кабинетъ министровъ.

«Въ кругахъ временнаго правительства (говоритъ «Русское Слово» съ явнымъ злорадствомъ) констатируютъ, что во время переговоровъ не обнаружилось никакого разногласія между Керенскимъ и московскими общественными дѣятелями не только въ вопросахъ программы, но и тактики». Соціалистъ-революціонеръ, говорящій за спиной демократіи, и торгово-промышленники, говорящіе съ благословенія партіи народной свободы, договорились.

Конечно, нельзя забывать, что Керенскій далеко несвободенъ ни въ дѣлахъ своихъ, ни рѣчахъ. Волей судьбы, онъ долженъ часто говорить и дѣлать то, что ему противно, но то, что говорить и дѣлать должно. Нельзя забывать, что за спиною Керенскаго есть могучая сила не только русскаго, но и «союзнаго» капитала, который умѣетъ говорить и тихо и властно.

Мы объ этомъ не хотимъ забыть, но должны прибавить: Гражданинъ Керенскій, Вы играете съ контръ-революціей. Это опасная игра.

———

Внутренняя политика.

Когда народъ безмолвствуетъ.

(Къ Всероссійскому Демократическому Совѣщанію).

Еще рано подводить итоги Демократическому Совѣщанію: оно еще не закончилось. Но главныя у него линіи вполнѣ намѣтились, главныя слова сказаны, результатъ очевиденъ: еще разъ побѣдила буржуазія. Но пусть это не печалитъ рабочихъ черезмѣрно. Нашъ великій праздникъ впереди. Ибо за насъ и разумъ, и совѣсть, и сила. Еще разъ побѣдили «соглашатели», тѣ, что не вѣдаютъ, что творятъ. Но рабочій народъ не съ ними: онъ безмолвствуетъ. А когда онъ сорветъ свою печать съ желѣзныхъ устъ, дрогнутъ залы и театры, гдѣ трусливые «совѣщатели» плетутъ теперь гнилыя сѣти трусливыхъ словъ, и настанетъ день Великаго Праздника. А пока насъ не очень печалитъ исходъ Совѣщанія, ибо пока народъ безмолвствуетъ.

Когда я читаю рѣчи ораторовъ и живо представляю себѣ Александровскій театръ, мнѣ кажется, что вотъ откроется дверь и покажется призракъ—маленькій, неряшливый и юркій генералъ Корниловъ, а за нимъ, за этимъ плюгавымъ призракомъ встанетъ растерянная, но жадная и трусливая фигура, которой имя Буржуазія. И оба они станутъ глядѣть и тихо хихикать, тыкая пальцемъ и въ развязнаго Скобелева, и въ дѣловитаго Пѣшехонова и благороднаго Церетелли,—во всѣхъ этихъ вольныхъ и невольныхъ гладіаторовъ буржуазіи. Дверь не открывается, но злорадные и зловѣщіе призраки рѣютъ вокругъ головъ «бывшихъ» министровъ—соціалистовъ, еще не искушенныхъ во власти, но уже искушенныхъ властью.

Ликвидація корниловскаго фарса намѣтила три рѣшенія назрѣвшей проблемы власти.

Одно рѣшеніе было ясно и просто, какъ азбука. Разъ опредѣленно видно, что буржуазія контр-революціонна по духу, что она всей душой была на сторонѣ корниловщины, хотя не смѣла открыто и цѣликомъ стать на сторону бѣлаго генерала, нельзя ее держать у власти. Будь эта власть у нея въ рукахъ, ее надо бы вырвать у нея вооруженною силой. Звать же ее къ власти, дѣлать ей уступки и передавать ей въ руки государственный аппаратъ, не глупо, а преступно: это предательство, котораго мы не хотимъ понять, а народъ никогда не оправдаетъ. Власть должна быть передана, въ руки обновленныхъ Совѣтовъ Рабочихъ, Крестьянскихъ и Солдатскихъ Депутатовъ,—той силѣ, которая вынесла революцію на своихъ плечахъ, теперь спасла революцію отъ Корнилова и, что бы ни каркали вороны, донесетъ—ее на вѣрныхъ рукахъ своихъ до дверей Великаго Праздника. Но это единственно логическое и единственно честное рѣшеніе было похоронено не на Дем. Совѣщаніи, а гораздо раньше, и не врагами Совѣтовъ, а самими Совѣтами, когда они рѣшили созвать не Съѣздъ Совѣтовъ, который властно взялъ бы въ свои руки то, что ему принадлежитъ по праву и по силѣ, а инсценировали комедію Всероссійскаго Совѣщанія.

Московское Государственное Совѣщаніе, созванное Керенскимъ, было б ѣ г с т в о м ъ о т ъ д е м о к р а т і и к ъ б у р ж у а з і и, и буржуазія устроила Временному Правительству возстаніе Корнилова. Теперь вожди русскаго соціализма бѣгутъ отъ Совѣтовъ къ демократіи, не къ извѣстной всему міру и революціонной демократіи рабочихъ, крестьянъ и солдатъ, а къ какой-то другой, которой никто, кромѣ «кадетовъ» не знаетъ и не понимаетъ. Берегитесь, консулы!

Разъ это первое рѣшеніе отвергнуто, выступаетъ другое, прямо противоположное: оно просто и ясно требуетъ коалиціи съ к.-д. и со всѣми мертвыми силами. За него, конечно, стоитъ Керенскій, но не столько онъ, за коалицію съ к.-д. въ сущности стоятъ всѣ «бывшіе», даже Церетели. Скобелевъ на Совѣщаніи поставилъ вопросъ правильно. «Вопросъ о кадетской партіи, говоритъ онъ, нужно поставить такъ: с ъ п р о м ы ш л е н н о й б у р ж у а з і е й и л и б е з ъ н е я? Я хотѣлъ бы, чтобы на этотъ вопросъ былъ данъ прямой и ясный отвѣтъ», потомъ онъ прибавилъ: «Насталъ часъ, когда мы, утописты, подпольщики и бунтари, должны показать странѣ, что мы можемъ быть хорошими реальными политиками, ибо теперь болѣе чѣмъ когда-бы то не было утопическія увлеченья ставятъ на карту всѣ наши реальныя чаянья и идеалы соціализма». Какое грустное плетенье избитыхъ софизмовъ и кадетскихъ увертокъ! Скобелевъ не хочетъ быть «подпольщикомъ» и потому становится «кадетомъ», какъ будто подъ поломъ только и есть люди что «кадетъ». Онъ хочетъ быть «реальнымъ политикомъ», чтобы спасти «реальныя чаянья и идеалы соціализма» и потому отдать власть той безстыдной сворѣ, которая загрызаетъ не только «идеалы соціализма», которые гражданинъ министръ тревожитъ всуе, но и тѣ «реальныя чаянья», которыя, быть можетъ, еще завалялись въ министерскомъ портфелѣ, рядомъ со счетомъ кухмистерской и прачки. Онъ хочетъ что-то «показать странѣ», чтобы завоевать ея довѣріе, но страна видитъ только согнутую передъ кучкой капиталистовъ и политиковъ министерскую спину. Эта ли рабья поза заслужитъ довѣріе рабочаго класса и трудового крестьянства? Думаете-ли, вы что крестьяне охотнѣе дадутъ хлѣбъ, когда у власти будутъ Коноваловы вмѣсто Чернова? Думаете-ли вы, что армія будетъ лучше сражаться, когда узнаетъ, что въ кабинетъ опять вошли сподвижники Корнилова, рыцари плети и нагайки, которые еще мечтаютъ о войнѣ до конца, т.-е. безъ конца? Вы остались «подпольщикомъ», гражданинъ Скобелевъ, но изъ пролетарскаго подполья черезъ министерскія двери вы перебрались въ подполье буржуазное. Берегитесь, консулы!

Рѣшеніе большевиковъ на Совѣщаніи, конечно, не побѣдитъ. Но принята ли будетъ тактика Скобелева, пока неизвѣстно. Намѣчается третій исходъ: исключить кадетовъ изъ будущаго кабинета, но включить широкіе круги демократіи: городскія и земскія самоуправленія, кооперативы. Это, конечно, компромиссъ, который могъ бы временно дать выходъ. Создался бы органъ, который могъ бы контролировать фактически единоличную и безотвѣтственную власть Керенскаго. Эту точку зрѣнія защищалъ на Совѣщаніи Б. Богдановъ. Она-ли побѣдила? Сомнительно.

Но насъ исходъ Совѣщанія не очень тревожитъ. Совѣщаніе не можетъ дать рабочимъ то, чего имъ нужно! в л а с т ь н е д а е т с я, а б е р е т с я. И если рабочій народъ томится у дверей Демократическаго Совѣщанія и еще безмолвствуетъ, значитъ время не стало. Пусть опричники, шуты и потѣшные люди еще кишатъ на площади и шумятъ: Н а р о д ъ б е з м о л в с т в у е т ъ!

Внѣшняя политика.

Борьба за миръ.

Министерство иностранныхъ дѣлъ оффиціально заявляетъ народу:

«Распространившіеся за послѣднее время въ различныхъ органахъ печати слухи о мирныхъ предложеньяхъ, исходящихъ будто бы отъ нѣкоторыхъ державъ, лишены всякаго основанія». Хотя нашъ министръ иностранныхъ дѣлъ и неопытенъ, говорятъ въ искусствѣ дипломатіи, но достаточно опытенъ въ искуствѣ заявленій и опроверженій. Можно смѣло сказать, что это опроверженіе почти равносильно подтвержденію: Идутъ переговоры о мирѣ.

Отвѣтъ на папскую ноту германскаго и австро-венгерскаго императоровъ несомнѣнно знаменуютъ начало дипломатическаго перелома. Говорятъ, что отвѣтъ неясенъ. Конечно, въ немъ нѣтъ конкретныхъ уступокъ, но за то нѣтъ и тѣхъ дерзкихъ требованій, которыми полны были прежнія ноты Германіи. Въ этой послѣдней нотѣ тщательно обходятся всѣ камни преткновенія, очевидно, оставляя спорные вопросы для келейныхъ разговоровъ. Но и въ оффиціальной нотѣ есть два важныхъ пункта: Германія признаетъ необходимость ограниченія вооруженій и согласія на учрежденіе международнаго третейскаго суда. Это два кардинальныхъ пункта, которые упорно отвергала до сихъ поръ

Къ новымъ берегамъ.

1.

Міръ, отъ котораго наши органы несутъ намъ запоздалыя темныя вѣсти, представляетъ безконечное разнообразіе «тѣлъ». Среди этого необъятнаго моря, словно въ утлой ладьѣ, безъ руля и безъ вѣтрилъ, колышется человѣчество. Что у него общаго съ бушующей стихіей, съ молчаливыми горами колоссами, со всѣми этими угрюмыми и безстрастными свидѣтелями его борьбы и его страданій? Что у него общаго даже съ другимъ человѣкомъ его пресловутымъ братомъ и ближнимъ? Какъ часто даже синее небо со своей вѣчной загадочной улыбкой или вѣтеръ степной со своимъ жалобнымъ воемъ ближе человѣку, чѣмъ душа его «ближняго». Мы не знаемъ о самомъ грубокомъ и самомъ важномъ для человѣка, мы ничего не знаемъ о душѣ другого человѣка, и никогда не узнаемъ больше. Человѣкъ человѣку тайна.

Если ложно то, чему учили насъ будто одинъ человѣкъ есть образъ, почти копія другого, то ложно и то, будто между человѣкомъ и природой такая бездна. Тайна лежащая между человѣкомъ и человѣкомъ и создающая изъ каждой личности обособленный міръ за то тѣснѣе сближаетъ человѣка и природу, окутывая обоихъ чарующимъ покровомъ. И чувствуетъ человѣкъ, что какая-то невидимая нить крѣпче кровныхъ узъ связываетъ его со всѣмъ окружающимъ міромъ, что безпредѣльность неба такъ пристально, пристально глядящаго внизъ своими бездонными очами и шаловливыя тучи, пугливо бѣгущія Богъ вѣсть куда, и маленькая ласточка хлопотливо кружащаяся взадъ и впередъ, и онъ, одинокій человѣкъ, со своими скорбными думами и трепетнымъ сердцемъ,—дѣти общей единой матери жизни...

Окутанный лѣсомъ зеленымъ, на высокой горной вершинѣ, въ тихую лѣтнюю ночь сидитъ я—одинокое, большое дитя—человѣкъ. Ничто не шелохнется, даже листья, какъ будто заснули. Кто же говоритъ его душѣ такъ нѣжно и ласково, какъ мать надъ спящимъ ребенкомъ? Нѣтъ съ нимъ никого, но онъ чувствуетъ, какъ кто-то глядитъ въ его сердце и шевелитъ невѣдомыя разуму струны, и что-то пѣть начинаетъ въ немъ, непонятныя силы просыпаются и просятся наружу, и все тѣло томительно тянется туда, въ далекую даль, гдѣ онъ никого, ничего не оставилъ и гдѣ никто, ничто не ждетъ его.

Эта сдавленная въ узкихъ берегахъ одинокая душа человѣка улетаетъ на крыльяхъ грезы въ родную вольную стихію. Это вѣчность говоритъ нашему скорбному духу, неслышно для разума, о великой цѣли всего живущаго, о томъ, что крѣпкія узы на вѣки спаяли землю человѣка и небо въ одну благодатную семью боговъ. Это всепрощающая мать Природа поетъ заблудшему дитяти человѣку играя, на ей одной знакомыхъ невидимыхъ струнахъ сердца, о безцѣльности грусти его, о бренности нашихъ земныхъ страданій и величавой красотѣ всеобъемлющей играющей Жизни.

Но вотъ зашумѣла буря, громъ разряжается яростной грозой. Все рвется и мечется, все ломается и рушится. Сама земля, кажется, готова пуститься въ бѣшенный плясъ. А горное эхо злорадно разноситъ отъ вершины къ вершинѣ и гордый рокотъ бури и трусливый крикъ человѣка...

«Слѣпая стихія»... «Элементы»... «Атомы»... такъ лепечетъ нашъ отвлеченный маленькій разумъ. А большой глубокій внутренній разумъ, чувствуетъ въ этомъ адскомъ грохотѣ стихіи голосъ родного и близкаго.

«Шуми, гуди, могучая буря. Я душой понимаю тебя. Я чувствую твою мятежную жажду вырваться вонъ изъ береговъ вселенной, всѣмъ овладѣть и все покорить»..

О, Жизнь—мать моя. У знаю тебя сердцемъ своимъ и въ нѣжной ласкѣ и въ суровыхъ ударахъ,—и въ тихомъ шепотѣ и въ грозномъ шумѣ,—и въ безобразіи и въ красотѣ узнаю тебя я—слабое и безгранично-мощное.

Такъ говоритъ большой и глубокій нашъ разумъ.

2.

Если между человѣкомъ и природой наши самые глубокіе затаенные инстинкты открываютъ внутреннее неискоренимое взаимодѣйствіе, то гдѣ искать намъ причину. Взаимодѣйствіе возможно только между родственными организаціями. Оттого міръ останется грубой нелѣпостью до тѣхъ поръ, пока мы не признаемъ въ немъ той же творческой способности, которую мы инстинктивно открываемъ внутри себя. Мы должны сорвать пелену съ своихъ глазъ и признать то, чего властно требуетъ наше чувство, что нужно даже разуму, чтобы выпутать его изъ сѣти противорѣчій и безсмыслицъ,—мы должны признать что смерть иллюзія органическаго существа, съ ограниченнымъ поверхностнымъ разумомъ, что въ мірѣ все живетъ: живетъ этотъ суровый горный гигантъ молчаливо глядящій въ долину, мрачно сложивъ могучія руки и обнаживъ свою сѣдую голову навстрѣчу солнечной ласкѣ и грозовымъ ударамъ, живетъ и темный лѣсъ на его крѣпкихъ бедрахъ, не знающихъ усталости, живетъ, то снисходительно кивая кокетливымъ звѣздамъ, то жалобно кутаясь отъ дерзкихъ порывовъ вѣтра, и игривый ручей, беззаботно бѣгущій въ холодныхъ каменныхъ жилахъ съ бѣлой вершины въ темную пропасть, живетъ своей наивной жизнью, какъ и ты мой грустный юноша одиноко стоящій на этой вершинѣ и съ бьющимся сердцемъ вдыхающій беззвучно симфонію ночи...

Возвратить живое дыханіе природѣ, преступно отравленной аскетической вѣрой, безкровной метафизикой и безжизненной наукой, одѣть ее снова въ былые яркіе наряды веселой языческой жизни, сбить съ милыхъ ногъ безобразныя оковы желѣзной необходимости—этого смѣло требуетъ интуиція новорожденной Личности. И это требованіе не произволъ капризнаго ума, а неизбѣжный выводъ человѣческой мысли, послѣдній этапъ вѣчной странницы на тернистомъ и вьющемся пути къ Истинѣ.

3.

Между человѣкомъ и природой исторія знаетъ троякаго рода отношеній. И каждому изъ нихъ соотвѣтствовалъ свой особый способъ мышленья, наложившій свою неизгладимую печать на всю эпоху. Миѳологія, религія и наука,—такъ называю я эти три способа пониманія, создавшихъ три особыхъ историческихъ міра.

Что такое миѳологія? Развѣ не безсмысленный наборъ нелѣпыхъ сказокъ и бредней? Развѣ не комически-вздорная попытка объясненія природы безъ опыта, силами одной возбужденной фантазіи? Такъ думаетъ въ сущности позитивизмъ даже тогда, когда онъ снисходительно «изучаетъ» миѳологію. Онъ крѣпко увѣренъ, что время миѳовъ къ счастью прошло безвозвратно, что чувство создавшее ихъ умерло. Они любопытны въ его глазахъ только тѣмъ, что раскрываютъ ему лишній разъ безсиліе познанія помимо опыта и всю мощь вооруженнаго разума. А индивидуализмъ на перекоръ позитивному вѣку долженъ видѣть въ миѳологіи цѣлый чарующій міръ столь дорогихъ и близкихъ чувствъ, что ихъ потерю никогда не возмѣстятъ человѣку ни электричество, ни магнитизмъ, ни наша блестящая техника, что съ ихъ смертью отмираетъ лучшая часть нашей души и весь веселый міръ становится лабиринтомъ-склепомъ.

Миѳологія—это заря человѣка, его свѣтлое, и все, что есть трогательнаго въ этой милой, таинственной и неувядаемой порѣ нашей жизни, ярко отмѣчаетъ и миѳологическую эпоху.

Какова самая характерная черта дѣтской души, та черта, изъ которой вытекаютъ всѣ остальныя. Странное душевное состояніе, какое можно назвать: о т с у т с т в і е сознанія «я». Не отсутствіе сознанія, сознательныхъ душевныхъ эмоцій,—дѣти вовсе не уступаютъ намъ въ ясности и интенсивности сознательной полосы жизни,—а почти полное отсутствіе с а м о с о з н а н і я. Ребенокъ не противоставляетъ себя природѣ, какъ одинъ міръ другому, между которымъ будто вырыта пропасть. Онъ видитъ міръ, видитъ себя, но не видитъ бездонной черты между ними, ихъ роковой разрозненности. И онъ относится ко всей окружающей средѣ, такъ же, какъ къ своему собственному тѣлу. Онъ предлагаетъ подарокъ своей ножкѣ, кошечка и собачка въ его глазахъ врядъ ли многимъ отличаются отъ другихъ дѣтей, а игрушки разнятся только своей молчаливостью и пріятной покорностью. Дитя свободно отъ терзающихъ рефлексовъ разума и живетъ одной только вѣчной смѣной чувственныхъ желаній, непосредственно переводимыхъ въ движенія и дѣйствія. Послушныя игрушки должны быть особенно ему пріятны, ибо они всего меньше прекословятъ маленькому человѣку въ безграничномъ расширеніи уже безгранично жаднаго «я».

Новомирскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

(Продолженіе слѣдуетъ).